

Цзян Чуан действовал стремительно: стоило ему заговорить о чудо-лекаре, как уже на следующий день тот был доставлен в усадьбу.

Однако вместе с чудо-лекарем явился и незванный гость, которого никто не приглашал.

Оба гостя отличались незаурядной внешностью и благородной осанкой. Чтобы не привлекать лишнего внимания, Цзян Чуан велел провести их через задние ворота. Будучи людьми далекими от условностей этикета, они ничуть не озаботились тем, через какой вход их ведут.

Но стоило задней двери отвориться, как прямо на мужчину в черном одеянии с кудахтаньем взлетела курица. Раздался испуганный девичий вскрик. Спутник в белом, мгновенно сориентировавшись, шагнул назад, прячась за чужую спину, и ловко натянул широкий рукав черного халата себе на голову.

Цзян Чуан только потянулся, чтобы перехватить птицу, как мужчина в черном молниеносным движением свернул ей шею и отшвырнул в сторону. Так несчастная летунья безвременно испустила дух.

Перед кончиной она, впрочем, успела оставить после себя некоторое «наследство». Почувствовав исходящую от рукава вонь, мужчина в черном дернул щекой. С трудом подавляя желание совершить убийство, он процедил сквозь зубы:

— Чжу! Гэ! Цин!

Его рукав был густо измазан свежим куриным пометом. Цзян Чуан с брезгливой гримасой отступил на шаг — не хватало еще самому провонять, а то потом Чжиюй станет воротить нос.

Чжугэ Цин с самым невинным видом стоял рядом и преспокойно оправдывался:

— Ой-ой, какой же ты мелочный! Подумаешь, прикрыл меня от куриного помета. Как у тебя только рука поднялась бы допустить, чтобы эта пакость упала на голову столь благородного и добродетельного мужа, как я? Премного благодарен брату Баю за избавление от напасти!

— Военный советник вечно любит подшучивать над людьми, не принимайте близко к сердцу, чудо-лекарь, — кашлянул Цзян Чуан, сдерживая смех. — Позже я велю помощнику генерала Хуану как следует погонять его на плацу — считайте, что отомстили. Пойдемте, я велю слугам проводить вас умыться и сменить одежду.

При этих словах победное злорадство Чжугэ Цина мгновенно испарилось, а лицо окаменело. В глубине души у него всё заledenело от страха:

— Пощадите, генерал! Я виноват! Ой!

Не успел он договорить, как прямо в него полетел вонючий рукав. Чжугэ Цин в последний миг увернулся и чуть не растянулся на земле.

Оказалось, это Бай Юань оторвал испачканный кусок своего рукава и швырнул в него. Ледяным взглядом смерив Чжугэ Цина, целитель обратился к Цзян Чуану:

— Не нужно, генерал. Ведите меня сразу к пятому принцу.

С этими словами он развернулся и зашагал вперед.

Цзян Чуан, словно цыпленка, сцапал Чжугэ Цина за воротник, заставив выпрямиться, и

недовольно нахмурился:

— Погляди на себя, на кого ты похож? Шаг шаткий, тело грузное — как ты с такой формой на поле боя собрался? Раз боишься тренировок у помощника генерала Хуана, может, мне самому за тебя взяться?

Перед Цзян Чуаном Чжугэ Цин не смел высказывать недовольство. Он тут же вытянулся в струнку. Кто не знал, что великий генерал Цзян слов на ветер не бросает?

Одного лишь помощника генерала Хуана ему хватало с лихвой, а если за дело примется сам генерал Цзян — пиши пропало.

Цзян Чуан поспешил догнать Бай Юаня, чтобы указывать дорогу. К нему он относился куда почтительнее, нежели к советнику.

Чжугэ Цин обнюхал себя со всех сторон и, убедившись, что ничем не пахнет, двинулся следом. Однако вскоре он остановился возле дрожащей от страха девушки, которая стояла на коленях и непрестанно кланялась до земли.

Он присел на корточки и с любопытством спросил:

— Ты кто такая? Почему здесь стоишь на коленях, а не прислуживаешь в передних покоях?

Девушка подняла бледное от ужаса лицо. Это была Юаньсян.

— О-отвечаю уважаемому гостю, — пролепетала она, — рабыню зовут Юаньсян. Я... я куриный управляющий в усадьбе.

— Кто-кто ты, говоришь? — Лицо Чжугэ Цина приняло весьма озадаченное выражение.

Юаньсян поняла, что над ней сейчас посмеются, и с некоторой обидой повысила голос:

— Я куриный управляющий в усадьбе! Присматриваю за всеми здешними курами! Этот чин мне пожаловал сам генерал!

Чжугэ Цин сам не понимал, как ему удастся сдерживать хохот. Он указал пальцем на птицу с переломленной шеей:

— И это, по-твоему, не упущение по службе?

Личико Юаньсян вмиг помрачнело:

— Это вина рабыни — не доглядела, вовремя не разняла двух драчливых петухов, отчего эта курица перепугалась и налетела на почтенных гостей. Но... но ведь не рабыня же свернула ей шею! Нельзя ведь взваливать это на мою голову?

Под конец её голос совсем затих, перейдя в невнятное бормотание.

Чжугэ Цин находил девицу всё более забавной. О своей должности «куриного управляющего» она заявляла с такой гордостью, будто говорила: «Какая разница, чем я руковожу, главное — я управляющая, и не твое дело!»

Свою вину она признавала честно, но чужую брать на себя ни за что не соглашалась.

Чжугэ Цин решил её припугнуть:

— А знаешь ли ты, как сильно генерал Цзян дорожит своими курами? Сейчас, при гостях, он разбираться не стал. Но погоди, мы уедем, и тогда тебе несдобровать!

— Ч-что же делать? — Юаньсян задрожала, на лбу у неё выступил холодный пот. — Я ведь просто решила немного передохнуть, я вовсе не хотела, чтобы курица нападала на почтенных гостей!

Чжугэ Цин доброжелательно улыбнулся, хотя смотрел на неё как лис на попавшую в силки добычу:

— Всё очень просто. Тебе нужно лишь искупить вину делом. Тогда ты не только избежишь наказания, но и заставишь генерала Цзяна считать себя твоей должницей!

— Как именно? — В глазах Юаньсян вспыхнула надежда.

— Его Высочество пятый принц страдает от застарелого недуга. Мне известно одно снадобье, способное его исцелить. Однако ключевой ингредиент для него чрезвычайно редок, и отыскать его сможет лишь тот, кому улыбнется сама судьба...

Чжугэ Цин не спеша изложил свой замысел, мысленно восхищаясь собой: «Надо же, какой я все-таки отзывчивый человек, днем с огнем таких не сыщешь».

*

Бай Юань сидел в гостиной и с бесстрастным видом разглядывал убранство, не обращая внимания на любопытные взгляды сновавших мимо слуг.

В самом деле, его нынешний облик — с одним обнаженным плечом из-за оторванного рукава — невольно привлекал внимание каждого прохожего.

Обстановка в гостиной была скромной, однако пороги и ступени оказались сглажены, а на напольных плитках у входа виднелись особые узоры, указывающие направление пути. Перила были выструганы и отполированы до безупречной гладкости — ни сучка, ни задоринки, так что можно было не опасаться занозить ладонь.

Даже беглого осмотра Бай Юаню хватило, чтобы понять: император, сосватав эту пару, угодил в самое сердце коекому.

Из-за дверей донесся тихий, ласковый голос Цзян Чуана. Бай Юань обладал отменным слухом и без труда разобрал слова:

— Поясница всё еще ноет? Ну прости меня, я виноват, поговори со мной! Я правда не хотел заходить так далеко, просто в такой момент кто угодно бы потерял голову...

Не успел Цзян Чуан договорить, как его прервал тихий, звонкий голос:

— Молчи!

— Хорошо-хорошо, молчу! Пойдем навестим чудо-лекаря. Даже если он окажется бессилен вернуть тебе зрение, пускай хотя бы осмотрит и укрепит твое здоровье. В конце концов, лекарей на свете пруд пруди, у кого-нибудь да найдутся настоящие умения.

Бай Юань, прекрасно всё расслышавший, лишь молча уставился перед собой.

Знаменитый целитель, к которому безуспешно пытались попасть тысячи страждущих, в устах Цзян Чуана предстал самым обычным лекарем. Не будь этот случай столь исключительным, Бай Юань давно бы развернулся и ушел, взмахнув рукавами.

Цзян Чуан вошел, ведя за руку Вэнь Цзюэ. Бай Юань стоял поодаль, беспристрастно разглядывая юношу. Тот был худощав, взгляд его оставался тусклым, лицо — бледным, губы хоть и отливали краснотой, но оттенок её казался нездоровым, а ногти отливали белизной.

Когда Цзян Чуан усадил Вэнь Цзюэ и уже собирался представить ему целителя, раздался голос приближающегося Чжугэ Цина.

— Ну и ну, еле отыскал вас! Генерал, ваша резиденция хоть и невелика, но до чего же запутанная! Да и мастеров боевых искусств тут немерено, я чуть было не огреб за блуждание по закрытым дворам! Какая опасность!

Чжугэ Цин влетел в комнату так, словно за ним гналась свора собак, и замер подле Цзян Чуана, тяжело дыша и опершись рукой о край стола.

Но стоило ему поднять глаза и увидеть Вэнь Цзюэ, как у него перехватило дыхание. Лишь когда Цзян Чуан наградил его суровым взглядом, он опомнился и поспешно сложил ладони в приветственном жесте:

— Ничтожный Чжугэ Цин приветствует Его Высочество пятого принца!

Вэнь Цзюэ слегка кивнул:

— Оставьте церемонии.

Цзян Чуан не отходил от Вэнь Цзюэ ни на шаг, оберегая его пуще зеницы ока. Он обратился к Бай Юаню:

— Довольно пустых разговоров, время не ждет. Прошу вас, чудо-лекарь, осмотрите глаза Его Высочества.

Стоило Бай Юаню сделать шаг вперед, как Чжугэ Цин сморщил нос, отступил и зажал его пальцами. Поймав на себе леденящий, точно острие клинка, взгляд лекаря, он тихо пробормотал:

— Как воняет...

Цзян Чуан не выдержал и отвесил советнику пинка под зад:

— Будешь болтать лишнее — прямо сейчас отправлю к помощнику генерала Хуану.

Чжугэ Цин поспешно выпрямился и лишь беззвучно вращал глазами, не смея больше проронить ни звука. Он украдкой разглядывал сидевшего подле него пятого принца, чей облик казался неземным.

Ему доводилось видеть третьего и четвертого принцев — те, бесспорно, были недурны собой, но рядом с пятым принцем выглядели бледно. Казалось бы, рождены от одного отца, а этот юноша чист и прекрасен, словно небожитель.

В этот миг даже Чжугэ Цин невольно задался вопросом: «Неужто слухи не врут, и супруга Чэнь действительно была не из мира смертных?»

Вэнь Цзюэ прислушивался к их препирательствам, и уголки его губ слегка приподнялись. От чудо-лекаря Бая пахло лишь горьковатыми травами, никакой вони не было. Похоже, военный советник Чжугэ просто пользовался тем, что лекарь не может ответить ему силой, и намеренно злил его.

Но кто же этот чудо-лекарь Бай? Да и Чжугэ Цин явно мастерски притворяется. Раз уж вокруг Юньчуаня собрались такие люди, то даже если сам генерал не желает примыкать к третьему принцу, его окружение может рассудить иначе.

— Чжуй, посмотри прямо перед собой и открой глаза пошире. Чудо-лекарю нужно проверить, реагируют ли они на свет, — нежно уговаривал его Цзян Чуан. Вэнь Цзюэ послушно выполнил просьбу.

Бай Юань поймал солнечный луч медным зеркальцем и направил зайчик в глаза Вэнь Цзюэ. Юноша инстинктивно сморгнул — слабая реакция на свет у него всё же сохранилась.

Однако лекаря это открытие ничуть не обрадовало. Он убрал зеркальце, склонился к лицу Вэнь Цзюэ и принялся пристально вглядываться в его зрачки с близкого расстояния.

Цзян Чуан непроизвольно сжал ладонь Вэнь Цзюэ. Он неотрывно следил за каждым движением и выражением лица целителя, пытаясь истолковать его бесстрастную маску на тысячу ладов.

От этого пожатия пальцы Вэнь Цзюэ заныли от боли, но он промолчал, лишь накрыл руку генерала свободной ладонью и мягко похлопал по ней. Цзян Чуан тут же опомнился, ослабил хватку и принялся бережно поглаживать его ладонь, мысленно прося прощения.

В ответ Вэнь Цзюэ слегка пощекотал его ладонь кончиком пальца, безмолвно утешая.

Наблюдавший за этим Чжугэ Цин удивленно вскинул бровь и подумал: «Ох, глаза мои, глаза! Как у двух взрослых мужчин получается столь бесстыдно нежничать друг с другом?»

«Хотя, надо признать, даже будучи мужчинами, они смотрятся вместе на редкость гармонично. Пожалуй, императору стоило бы оставить престол и самому стать Юэлао — сводить влюбленных».

Чжугэ Цин вспомнил, как во время их недавней тайной встречи на плацу генерал с величайшей серьезностью обратился к помощнику Хуану: «У меня, Цзян Чуана, есть к тебе просьба, которая для меня важнее собственной жизни!»

Помощник генерала Хуан тогда опешил — никогда прежде он не видел командира в таком состоянии. Он единым духом осушил чарку с вином и с суровым лицом ответил, ставя на кон собственную жизнь: «Говорите, генерал! Ваш подчиненный расшибется в лепешку, но исполнит долг!»

Генерал несколько не преувеличивал, когда признался: «На границах неспокойно, не пройдет и трех лет, как мне придется вернуться на рубежи. Ты мой соратник, и государь... скорее всего, оставит тебя в столице».

«И тогда я, Цзян Чуан, буду умолять тебя: присмотри за моим супругом — пятым принцем.

Если тучи сгустятся, его неизбежно втянут в распрю».

«Прошу тебя, защити его. Не позволяй никому похитить его, пускай он укрывается в резиденции генерала. Что бы ни случилось, я один отвечу за всё!»

Помощник генерала Хуан тогда вздрогнул и, осознав всю важность поручения, громогласно поклялся: «Генерал спас мою жизнь на поле боя. Раз вы просите об этом, я костями лягу, но сберегу Его Высочество!»

Они обменялись глубокими поклонами, выпили по чаше и в знак нерушимости клятвы разбили их оземь.

Чжугэ Цин тогда подумал, что мир сошел с ума. Еще недавно генерал Цзян, получив указ о женитьбе, в глухом унынии до изнеможения гонял копье на плацу, а теперь так трясется над пятым принцем. У него что, ум за разум зашел?

Но стоило ему воочию увидеть принца, как причины такой преданности сделались ясны без лишних слов.

С такой ангельской внешностью, да еще столь понимающий и чуткий... А уж если к нему вернется зрение — это и вовсе будет нечто невероятное.

Бай Юань произнес:

— Пульс.

Цзян Чуан бережно опустил руку Вэнь Цзюэ на стол и приподнял его рукав. Бай Юань прижал пальцы к запястью принца и погрузился в молчание.

В гостиной воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы за окном да редким щебетом птиц.

У Цзян Чуана защемило в груди. Минуло уже немало времени, а лекарь по-прежнему не издавал ни звука. Понимает ли он вообще хоть что-то? Вдруг перед ними обыкновенный проходимец?

— Незлечимо, — Бай Юань поднялся и принялся укладывать снадобья обратно в ларец.

Цзян Чуан обомлел. Выпустив руку Вэнь Цзюэ, он бросился наперерез целителю:

— Ч-что? Что это значит?! Вы даже не попытались ничего сделать, откуда вам знать, что надежды нет?

Для Чжугэ Цина подобный исход был вполне ожидаем — кто слышал, чтобы слепоту стольких лет можно было исцелить? Сам пятый принц тоже не выказал удивления — должно быть, давно свыкся с мыслью. И лишь для генерала рухнули небеса, и он отчаянно допрашивал лекаря.

Бай Юань не удостоил его ответом, продолжая собирать вещи. Тогда Цзян Чуан резко прижал ладонь к крышке его лекарственного ларца. Лицо генерала потемнело, он напоминал готового к прыжку свирепого тигра:

— Говорите прямо! Что значит «незлечимо»?!

Поняв, что дело пахнет грозой, Чжугэ Цин поспешно вмешался:

— Послушай, братец Бай, нужно ведь растолковать причины. Как можно бросить такую фразу и уйти, кто ж смирится с этим? Наш генерал — человек разумный, коли все разложишь по полочкам, он не станет тебя удерживать силой.

Бай Юань смерил Чжугэ Цина ледяным взглядом, и советник мгновенно растерял весь свой задор, оставив шуточный тон.

Бай Юань замер, прервав сборы. Цзян Чуан зло ухмыльнулся:

— Сдается мне, ты попросту бездарен и боишься опозорить свое хваленое звание чудо-лекаря, оттого и спешишь убраться восвояси! Мне нет дела до твоих бродячих фокусов, но ты совершил непростительную глупость, посмея навлечь на него беду своими речами! Если ты бессилен, отыщется другой, кто справится!

Под конец голос Цзян Чуана сорвался на глухое рычание.

Вэнь Цзюэ тихонько позвал его:

— Юньчуань, всё хорошо. Неизлечимо — так тому и быть. Пока ты со мной, неважно, вижу я или нет.

Повернувшись, Цзян Чуан увидел, что Вэнь Цзюэ тянет к нему руку. Грудь генерала стиснуло от щемящей боли. Он подошел и крепко сжал его ладонь:

— Ничего-ничего, лекарей на свете много, найдем другого!

Бай Юань ничуть не обиделся. Он наблюдал за этой сценой со стороны, словно посторонний зритель:

— Если я сказал, что никто не сможет помочь, значит, так оно и есть. Те, чье искусство превосходило мое, давно лежат в могилах.

— Эй! Да что с тобой такое?! — встревожился Чжугэ Цин. Он всерьез испугался, что тот доведет генерала до белого каления и тот его попросту пришибет. Неужели этот лекарь не понимал старую истину: лекарю труднее всего лечить самого себя?

Бай Юань тем временем продолжал играть со смертью, бесстрашно заявляя:

— И я говорю вовсе не о его слепоте. Я имею в виду застарелый яд в его теле. Он неизлечим. Не пройдет и пяти лет, как принц умрет.

Глаза Цзян Чуана налились кровью. Он рванулся вперед, намереваясь схватить Бай Юаня и проучить как следует. Чжугэ Цин грудью загородил лекаря, отчаянно завопив:

— Стойте! Стойте! Генерал, умоляю, остыньте!